
ТРИЛОГИЯ

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

ЗАУРЯД-ВРАЧ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д75

Дроздов, Анатолий Федорович.
Д75 Зауряд-врач / Анатолий Дроздов. — Москва : Эксмо,
2020. — 896 с.

ISBN 978-5-04-111900-3

Трагично завершилась для майора медицинской службы Игоря Иванова командировка в Сирию. Мина боевиков разорвалась прямо перед ним. Удар, темнота... и пробуждение под простыней на кушетке. Выжил? Да, но не в своем мире и времени. У него другое тело, звание и имя. Однако мастерство хирурга и желание спасти людей остались с Ивановым. Вопрос «Что делать?» не стоит. Но не все просто в параллельном мире, где на календаре 1915 год, идет ожесточенная война на уничтожение России... Герою предстоит занять свое место в новой реальности и постараться выжить хотя бы на этой, чужой, но такой своей войне.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111900-3

© Дроздов А. Ф., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1.

ЗАУРЯД-ВРАЧ

Пролог

Сделав последний стежок, я завязал нить. В тот же миг к ране протянулась рука с ножницами. Обрезав нить, Оля забрала у меня иглу и дала поднос с медикаментами. Промазав шов йодом, наложил марлевую салфетку на рану и закрепил пластырем. Гражданский хирург поручил бы это дело сестре, но у военных иначе. Мы и повязки сами меняем — это позволяет видеть последствия операции. Хочешь сделать что-то хорошо — сделай сам.

Поднял мальчика со стола и понес к выходу. Снаружи ко мне метнулся бородатый мужик — отец пацана. Он выставил руки. Подскочившая Оля набросила на них простыню. Я сгрузил ребенка на руки отца, Оля его закутала. Подбежал переводчик.

— Не давать сегодня есть и пить, — сказал я, и переводчик забормотал по-арабски. — Он, впрочем, сам не захочет. На второй день можно сладкий чай или воду. На третий — куриный бульон и протертую курицу, затем — кашу и кислое молоко. Через неделю можно есть и другое, но пища должна быть легкой. От боли давайте таблетки, не более одной за раз. (Оля сунула под простыню блистер.) Через семь дней можно снять швы. Это сделает любой медик.

— Альф щукр!¹ — выдохнул бородатый. — БаракаЛлаху фика!²

Он залопотал по-арабски, мотая головой.

¹ Тысяча благодарностей! (*араб.*)

² Пусть Аллах благословит вас (*араб.*).

— Говорит, что это его единственный сын и вы спасли его род, — сообщил переводчик. — У него нет денег, чтобы отблагодарить вас — война разорила всех, но он будет молить Аллаха, чтобы тот был милостив к вам. Он хочет знать ваше имя.

— Игорь.

— БаракаЛлаху фика, Игор! — кивнул бородач и унес сына машине. Взревел мотор, и старый пикап укатил прочь.

— Закурить есть? — спросил я у переводчика.

Он полез в карман и достал пачку. Я взял сигарету и сунул в рот. Сириец щелкнул зажигалкой.

— Щукран¹.

— А-фуан², — сказал он и перешел на русский. — Вам не за что благодарить меня, господин. То, что вы делаете для нас, мы никогда не забудем. Будем молить Аллаха, чтоб он сохранил вас.

«В Афгане тоже обещали, — подумал я. — Отец говорил. И что вышло?»

Отец ездил в Афганистан трижды. Вернулся с 40-й армией. Ему тогда было 43, а мне 15. Как мы с мамой радовались!..

Я кивнул переводчику. Тот поклонился и убежал. Я затащился и покрутил головой. Смотреть было не на что. Полуразрушенное селение с серо-коричневыми домами, невысокие холмы в отдалении, дорога — все такого же унылого цвета. И пыль. В Сирии она везде, даже в Дамаске. Как тут люди живут? Привыкли, наверное. Человек ко всему привыкает, даже к смерти. Это я о врачах. Хотя видеть, как гибнут дети...

— Товарищ майор!

Хотиненко, наш тыловик.

— Собираемся, лейтенант. Сегодня все. Пациенты кончились.

Он козырнул и побежал к палатке. Сейчас из нее вытащат оборудование и отнесут в грузовик. Затем снимут палатку...

¹ Спасибо (*араб.*).

² Пожалуйста (*араб.*). Правильно: «аль-афу», но обычно произносят так.

Бу-бух! — грохнуло за холмом. Я глянул вверх. Время будто замедлилось. Каплеобразный предмет падал на меня с неба. Летел медленно, будто не торопясь. «Мина!» — сообразил я, но ничего сделать не смог. Меня будто парализовало. Мина скользнула с неба и ткнулась в землю в шагах трех от меня. Корпус её пошел трещинами, открывая спрятанный внутри огонь. Он плеснул наружу и полыхнул в мою сторону. «Вот и отблагодарили!» — мелькнула мысль и исчезла. А вместе — и все остальное...

1

Жара... Невыносимо жарко! Я, голый, лежу среди обломков вертолета. Рядом изломанные тела, по позам видно, что трупы. Один я уцелел? Но почему вертолет? Меня везли в госпиталь? Вспоминаем. Я попал под разрыв мины. Потом, значит, был вертолет, а тот упал. Сам или сбили? Не все ли равно? Кто найдет меня раньше: свои или игиловцы? Их здесь почистили, но порой шастают. Кто-то ж стрелял из миномета... До Хмеймима¹ мы, значит, не долетели.

Почему так жарко? Я прямо горю. Летом в Сирии пекло, но сейчас осень.

Болит живот, сильно. Рука скользит вниз, натыкаюсь на повязку. Живот забинтован. Прикрыли рану? Щупаю марлю — сухая. Сую палец под бинт — узелок, под ним — шов. Оперировали. Но кто? Владик? Он бы не стал. Стянул бы рану и отправил в Хмеймим. Правильно, между прочим. Но вертолет упал...

Боль... Почему не вкололи промедол?² Или действие кончилось? Тогда давно лежу. Плохо. Подохну, прежде чем найдут. Но если отыщут игиловцы... Лучше умереть, как мои спутники. Пытаюсь пошевелиться. Приступ боли пронзает тело. Я застонал и инстинктивно прижал ладонь к животу. От руки полилось тепло. Боль стала уходить, и я держал ладонь, пока она не исчезла совсем, после чего провалился в темноту...

Свет... Открываю глаза. Надо мной потолок — белый, с трещинами. Под ним — лампочка на проводе. Она не го-

¹ Военная база России в Сирии.

² Синтетический анальгетик, по воздействию близок к морфину.

рит — свет льется из окна. Кручу головой. Небольшая комната вроде чулана. Я лежу на топчане у стены. В углу напротив свалены какие-то тюки и ящики. На больничную палату не похоже. Топчан голый, покрыт клеенкой. Даже матраса не подстелили! Подушки с одеялом нет — одна простыня, да и ту набросили сверху. Плохо. Я не у своих.

Пытаюсь сесть. Живот заныл, но с прежней болью не сравнить. Лекарство вкололи? Вряд ли. Не похоже, чтоб обо мне заботились. Голый топчан в чулане для тяжело раненного... Сколько я спал? Сказать трудно. Часов нет — снял их перед операцией, телефона — тоже. На мне вообще ничего нет, в чем убеждаюсь, откинув простыню. А насчет операции не ошибся. Повязка закрывает живот от подвздошной области до лобка, следы йода — аж до ребер. Славно распорол! Осколок угодил в живот, поврежден кишечник? Тогда неплохо себя чувствую. Температура есть, но небольшая, боль умеренная.

Осторожно приподымаю бинт. Мощный шов, вязали со всей дури. Ну, так жир стягивали — у меня его полно. К сорока годам спереди образовался курдюк — следствие хорошего аппетита и любви к пиву. Стоп! Под повязкой жира нет — худой, впалый живот. Это почему? Подношу руку к глазам. Неровно остриженные ногти, под ними «траурная» каемка. У меня такого не может быть! Хирурги стригут ногти до «мяса». Что за хрень?

Стараясь не тревожить рану, осматриваю тело. Оно не мое! Рыжеватая шерстка груди, такая же — на руках и ногах. А я брюнет. Со временем добавилась седина, придав волосам окрас перца с солью. Я невысокий и коренастый, а тут длинные ноги и приличный рост. Брежу?

Провел ладонью по голове — волосы. С годами я полысел. Растительность по бокам головы стриг коротко. А здесь волосы, да еще густые. Что за дела?

Откинувшись на топчан, размышляю. Паники нет, как и радости. Опыт позволяет понять, что не брежу — слишком четкие ощущения. В бреду чувства смазаны, превалирует

одно. Например, страх. Но его нет. Я могу осмотреться по сторонам, пощупать топчан и стену. Тактильное восприятие четкое, руки и ноги подчиняются. Отсюда вывод: непонятным образом мое сознание оказалось в другом теле. Такое возможно? Прежде б не поверил, однако действительность убеждает. Вспоминаем. Я прооперировал мальчика, у него был аппендицит. Отдал ребенка отцу и остался курить у палатки. Я этим не увлекаюсь, но иногда тянет. Хотиненко убежал сворачивать госпиталь, Ольга ушла следом. Я стоял один. Прилетела мина и взорвалась передо мной. Я погиб? Скорее всего. Уцелеть в такой ситуации маловероятно. А как же вертолет, трупы? Это бред. Спутанное сознание, непонятная жара. Мне было плохо, отсюда видение. На деле разум, покинув мертвое тело, переселился в другое. Это факт, и я его отлично осознаю.

Кем был хозяин тела? Не знаю. Его присутствия я не чувствую, и это хорошо. Раздвоение личности не лечится. Вторая сторона этой ситуации — неизвестность. Человек живет в обществе. У него есть имя и фамилия, родственники и друзья, профессия и работа, наконец. Знаний об этом у меня никаких. Ну и что дальше? Как жить?

Размышления прерывает скрип двери. В комнату входит молодая женщина. На ней белый передник с красным крестом на груди, под ним — платье до пят, на голове белая косынка с красным крестом. В одной — швабра, в другой — ведро. Поставив ведро на пол и прислонив швабру к стене, женщина принялась полоскать тряпку. Я наблюдал за этим с изумлением. Швабра — деревянная, ведро — медное! Красный крест на переднике. Что за хрень? Где я?

Вместе с девушкой в комнату ворвался запах хлорки. Издалека донеслись стоны. Больница? Я присмотрелся к уборщице. Девушка, совсем юная. Круглое лицо, не сказать, чтоб красивое... Фигура рыхловатая, с фитнесом не дружит. Косынка на голове скрывает волосы, цвета не разглядеть. На ногах какие-то допотопные башмаки.

Отжав тряпку, уборщица шлепнула ее на швабру и стала тереть пол. Запах хлорки усилился. В мою сторону девушка старательно не смотрела. Это почему? Дождавшись, когда она, склонившись, сунула швабру под мой топчан, я тронул ее за плечо.

— Девушка?

Ответом был визг — громкий и загроможденный. Бросив швабру и едва не сбив ведро, уборщица вылетела из палаты. Что с ней? Я выгляжу страшно? Долго думать не пришлось. Понеслось топот, и в палату ворвалась толпа. Ну, насчет толпы мне показалось. Гостей оказалось трое: мужчина в белом халате и с такой же шапочкой на голове и еще двое в военной форме с фуражками на головах. Последней явилась знакомая уборщица. Она замерла у дверей, не решаясь пройти дальше.

Подбежав к топчану, гости уставились на меня.

— З-здравствуйте! — прохрипел я. В горле будто наждачкой прошлись.

Не отвечая, мужчина схватил мою руку и приложил пальцы к лучевой артерии. Некоторое время слушал пульс. Затем бросил руку, наклонился и заглянул мне в глаза. После чего приложил тыльную сторону ладони ко лбу.

— Ничего не понимаю! — сказал минутой спустя. — Пульс частый, но хорошего наполнения, температура повышена, но немного, зрачки в норме. Живой?

— А был мертвый? — поинтересовался я.

— Вроде, — сказал он и смутился. — Принесите стул! — бросил спутникам. Один из них выбежал и вернулся со стулом. Врач, а это был он, сел и достал из кармана какую-то деревяшку. Приложив ее одной стороной к моей груди, к другой приник ухом. Я смотрел, не веря глазам. Слуховая трубка врача! Видел такую в интернете. Древность дикая. Это куда меня занесло?

Посмотрел на врача. На вид — лет пятьдесят. Морщины, седая бородка клинышком. Халат стянут на спине много-

численными завязками. Они и на шапочке сзади. Это где ж такое носят?

Закончив слушать, врач убрал трубку. Задумчиво посмотрел на меня.

— Что вы помните?

— Ничего, — признался я.

— У вас был аппендицит, гнойный. Пока довели с передовой, он лопнул. На повозке растрясло.

Передовая? Повозка?

— ...Перитонит, безнадежная ситуация, но я решил оперировать. На фронте затишье, раненых мало, — он почему-то смутился. — Операция прошла хорошо. Вас отнесли в палату и поручили сиделке. Вечером она прибежала и сообщила, что вы перестали дышать. Я поспешил за ней и убедился, что все так. Пульса не было, как и дыхания. Признал смерть...

Он кашлянул.

— Ночь, мертвецкая закрыта; не желая подымать шум, я велел отнести вас сюда. Это кладовая, — он кивнул в угол в сторону уже виденных мной тюков. — Вас уложили на топчан и прикрыли простыней. Днем собирались обрядить и нести на кладбище. А вы взяли и воскресли... — Он pokrутил головой.

— Я живучий.

— Соглашусь! — кивнул он. — Хотя странно. Как вас зовут, помните?

— Нет.

— Звание, полк?

— Нет.

— Кислородное голодание мозга, — кивнул он. — Некоторые участки отмерли. Значит, смерть все же была. Клиническая... Голова болит?

— Нет.

— Будем наблюдать, — сказал он и встал. — Вас отнесут в палату.

Он глянул на санитаров. Один из них выскочил наружу и вернулся с носилками. Те оказались деревянными. Между двух жердей натянут брезент. Убожище! Меня взяли за плечи и ноги и переложили на носилки, предварительно укутав в простыню. Санитары взялись за ручки. Врач двинулся к двери.

— Доктор! — окликнул я его. — Так кто я?

— Совсем память потеряли? — покачал головой он. — Вольноопределяющийся Могилевского полка седьмой пехотной дивизии Валериан Витольдович Довнар-Подляский. Приплыли...

* * *

— Бачу¹ барин на нарах ляжыць и енчыць². Кепска³, думаю. Я — да вунтера, так, вось, и гэтак. Вунтер да ахфицера пайшов. Той и кажа: вязите у лазарэт. Пока тялягу знайшли, каня запрэгли... Ды и ехат тут десять верст. Привезли — а барын у неспритомнасци⁴. Памрэ, думав. Але доктар добры, выратавав⁵.

Федор умолкает и сворачивает сигарку. Закуривает. Махорка, но запах приятный. Федор (себя он зовет «Хведар», с ударением на последнем слоге) — сослуживец моего донора. Проведать пришел. Не сам — офицер послал. Хочет знать: как там подчиненный? Федор рад. Десять километров отмахал, но нисколько не огорчен. Уйти с передовой для солдата радость. Лазарет расположен на окраине села, а в нем — лавки. Можно забежать и чего-нибудь купить. Ах да, лавка...

Лезу в карман и достаю бумажник.

— Держи, братец! — сую Федору червонец. — Благодарю.

¹ Смотрю (бел.).

² Стонет (бел.).

³ Плохо (бел.).

⁴ Без сознания (бел.).

⁵ Спас (бел.).